

«Украинский вопрос» в системе исторических и политических координат: Российская империя и Советский Союз

Украинские земли в составе Российской империи

22 октября 1721 г. царь Петр I Великий принял титул Императора Всероссийского. Западная граница новой европейской империи — Российской — неоднократно меняла свои очертания. Левобережное Поднепровье вошло в состав Русского государства раньше, в 1654 г., по решению Переяславской рады. В 1686 г. по «вечному миру» между Россией и Польшей вошла в состав России земля Войска Запорожского. Во второй половине XVIII в. после русско-турецких войн 1768–1774 и 1781–1791 гг. частью Империи стало Северное Причерноморье. В 1783 г. была присоединена территория бывшего Крымского ханства, с 1791 г. — южные земли в междуречье Днепра и Буга (так называемая Очаковская область). В 1772–1795 гг. в результате разделов Речи Посполитой земли Правобережной Украины были включены в пределы Российской империи. Другие части современной Украины (Восточная Галиция, Буковина и Угорская Русь) вошли в состав второй империи — участницы разделов польского государства — Австрийской (с 1867 г. — Австро-Венгрии). В XIX в. территория империи Романовых на западе продолжала изменяться: в 1812 г. по Бухарестскому договору была присоединена Бессарабия, в 1815 г. — польские земли, вновь разделенные по Венскому конгрессу.

В Российской империи бытовал ряд терминов для обозначения присоединенных земель. Термин «Украина», известный по крайней мере с XII в., первоначально означал «окраина, окраинная земля», но постепенно стал употребляться в значении «край» или «страна». Как указывает А.П. Пономарев, широкое распространение определение «Украина» получило в XVII в., продолжая функционировать наряду с другими названиями, в частности с наименованием «Малороссия»¹. Последнее употреблялось преимущественно в официальных документах и литературе, причем если в начале XVIII в. под «Малороссией» понимали «приграничную периферийную территорию с домодерной администрацией, нелинейным административно-территориальным делением и неустановившимся названием», то в первой половине XIX в. понятие «Малороссия» обозначало в административной практике территорию двух губерний — Черниговской и Полтавской. К середине века представление о территориальной основе Малороссии постепенно расплывается, и нередко «Малороссия» отождествляется с «Украиной»².

Существовали также другие историко-географические термины — как бытовавшие лишь в определенные исторические периоды, так и закрепившиеся в роли региональных. Согласно В.М. Кабузану³, Гетманщиной называлось историческое ядро украинских земель на левобережье Днепра, ставшее основой Малороссийского губернаторства, созданного в начале XIX в. Слободской Украиной (Слобожанщиной) именовалось административное образование на территории, заселяемой в результате колонизации под контролем русского правительства начиная с XVII в. Понятие «Новороссия» возникает во второй половине XVIII в., определяя область в Северном Причерноморье, и носит

¹ Начало украинской истории // Украинцы. М., 2000. С. 19.

² Галь Б.А. Геоконцепт «Малороссия» на ментальных картах XVIII — первой половины XIX в. // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе. М.; СПб., 2016. С. 8–28.

³ Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века — 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М., 2006.

нормативно-административный характер. В конце XVIII–XIX в. в Российской империи в качестве официальной административной единицы существовал Западный край, к началу XX столетия состоящий из девяти губерний, три из которых (Волынскую, Подольскую и Киевскую) объединяли в Юго-Западный край.

Как указывает А.И. Миллер, «в Москве и Петербурге предков современных украинцев называли *малороссами* или *малороссиянами*, иногда *рускими* или *руссинами*»⁴. По всеобщей переписи 1897 г. удельный вес малорусов / украинцев в общем населении Империи (в программе переписи имелись вопросы о родном языке и вероисповедании опрашиваемых) составил 17,5 %. Абсолютное большинство их проживало в двух регионах коренного украинского массива (кроме Харьковской губернии) — Левобережной Украины (80,8 %) и Правобережной Украины (75,5 %). В Новороссии малорусы составили 42,9 %. Всего на этих землях было зарегистрировано более 81,1 % всех украинцев Российской империи⁵.

На включенных землях постепенно устанавливались общероссийские стандарты подданства и управления, что не исключало признания этнических и региональных различий. В 1830-х гг. в сознании элиты усилиями министра народного просвещения графа С.С. Уварова постепенно утверждалась идея общерусской нации, которая, как считает А.И. Миллер, «останется доминирующей в русской мысли вплоть до краха империи»⁶. Общерусской идентичности противостоял так называемый «украинский проект», его идеологи считали культурно-языковые различия Украины и России более значимыми, нежели черты сходства.

Украинская версия идентичности вызвала в российском обществе ожесточенные дискуссии о языке, литературе, национальном характере, этническом происхождении

⁴ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 37.

⁵ Там же. С. 260, 262.

⁶ Миллер А.И. Этноконфессиональный фактор в развитии Российской империи (конец XVIII — начало XX в.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 105.

малороссов / украинцев. Усилия официального Петербурга были направлены на поддержание малороссийства как локальной формы общерусской идентичности, а украинское национальное движение рассматривалось как угроза единству имперского пространства.

Национальная политика и «национальные вопросы» Российской империи

Сегодня понятием «национальная политика» принято обозначать совокупность законодательных, административных и идеологических методов и средств государства, направленных на решение так называемых «национальных противоречий» в рамках внутренней политики. Слово сочетание «национальная политика» используют для определения линии взаимоотношений, поддержки и противодействия различных этнонациональных интересов в международной сфере⁷. Подчеркнем, что национальная политика в современном понимании подразумевает целенаправленную деятельность, осознанность реализуемых действий, комплекс отрефлексированных, продуманных и системных мер. В этом смысле применять к Российской империи XIX столетия данную дефиницию не совсем корректно по двум причинам. Первая — содержательная, ибо, по мнению ряда исследователей, национальная политика в своей окончательной и строгой форме выработана не была⁸ — имели место многообразие правовых, государ-

⁷ Общая и прикладная политология. М., 1992. С. 117; Словарь социолитических терминов. М., 2006. С. 141.

⁸ *Мейер М.М.* Национальный вопрос в реформационной и революционной концепциях российского государства первой четверти XIX в. // Из истории реформаторства в России. М., 1991. С. 64–67; *Канпелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 48; *Семенов Ю.И.* Предисловие // Национальная политика в императорской России / Сост. и ред. Ю.И. Семенов. Сборник документов. М., 1997. С. 12–16; *Миронов Б.Н.* Социальная история России: В 2-х т. СПб., 2000. Т. 1. С. 30–62; *Пирсон Р.* Привилегии, права и русификация // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 40; *Бахтурина А.* «Национальный вопрос» в Российской империи в постсоветской историографии // Русский национализм: социальный и культурный контекст. М., 2008. С. 105–129.

ственных, управленческих форм, сложность и разнопорядковость связей народов и территориальных образований⁹. Российский историк В.В. Трепавлов подчеркивает: «В истории России на протяжении нескольких столетий заметны некоторые характерные особенности, выразившиеся сочетанием, с одной стороны, правительственной административной практики и, с другой — политики в отношении нерусских народов (“национальной политики”). Эти особенности были порождены рядом факторов, главным из которых, очевидно, является этатизм. То есть национальная политика была полностью подчинена интересам государства, осуществлялась в целях обеспечения государственной безопасности — как внутренней (сохранение стабильности и порядка), так и внешней. ... Сказывалось и такое объективное обстоятельство, как чрезвычайно быстрый по историческим меркам территориальный рост Российской державы»¹⁰. Этот территориальный рост формировал специфическую ситуацию, создающую условия для некоторой автономии вновь присоединяемых территорий. Так, например, инкорпорация в состав Империи в последней четверти XVIII в. земель, ранее входивших в состав Речи Посполитой и в значительной мере населенных родственными (по языку и религиозной принадлежности) этносами, фактически растянулась на несколько десятилетий, а российское общественное мнение оказалось перед необходимостью осознания своей собственной идентичности, столкнувшейся с подобным, но не тождественным. Этот процесс отразился, в частности, в языковых трансформациях, иллюстрирующих непростой процесс выработки терминов для обозначения присоединенных территорий, которые вплоть до 1830-х гг. в публицистике и

⁹ Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.). Новая перспектива. М., 1997. С. 9.

¹⁰ Трепавлов В.В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX вв. // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1. С. 61.

ряде официальных документов определялись как «бывшие польские провинции»¹¹.

Правящая бюрократия была вынуждена приспособляться к местным особенностям и специфике социальной структуры этих сообществ, чтобы удержать присоединенные народы и территории. Российское законодательство почти не знало ограничений по национальной принадлежности, действовали ограничения по конфессиональному признаку, и «официальных документов, провозглашавших принципы национальной политики в целом», составлено не было¹². Однако есть основания полагать, что «в этой кажущейся бессистемности и разновариантности окраинного управления и был залог успешности имперской политики, обеспечивающей долговечность существования огромного и многонационального» государства¹³. «В составе Российской державы на протяжении всего четырехвекового периода существовали территориальные подразделения с неодинаковым юридическим статусом... Именно в отношении к “неканоническим” подразделениям осуществлялось движение к стиранию административно-юридических различий», а при Николае II была сформулирована задача слияния окраин с основной территорией¹⁴. Однако задача эта была довольно трудно осуществима, во-первых, из-за размеров присоединенных территорий и численности населения, а во-вторых, ввиду сложностей административного характера — в силу существования собственных принципов общественно-культурного устройства, отличных от российских государственных традиций. В частности, специальных усилий по адаптации к общероссийским условиям

¹¹ О различных аспектах инкорпорации западных земель в тело империи см.: *Thaden E.C. Russia's Western Borderlands, 1710–1870. Princeton, 1984*; он же вводит термин «русификация».

¹² *Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб., 1998. С. 15, 16.*

¹³ *Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России. С. 17.*

¹⁴ *Трепавлов В.В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX вв. С. 61.*

требовали образовательная и языковая сферы бывших польских территорий, тем более что к концу XVIII в. здесь была создана собственная образовательная среда, с которой российским властям приходилось не только считаться, но в течение нескольких десятилетий мириться с ее относительной автономностью в теле империи. Эта ситуация довольно хорошо описана в работах польских историков¹⁵.

Многие народы в составе Империи обладали собственными традициями государственного существования или самоуправления. Именно это, как доказывал В.С. Дякин, «сделало для власти особенно острой проблему выработки государственной идеологии» (особенно в сфере национальной политики) и актуализировало поиски «определенных способов скрепления всех составных частей государства в единое целое»¹⁶.

Другие исследователи также связывают национальную политику и идеологию. Они полагают, что начиная с 1860-х гг. можно говорить об оформлении идеи «единой и неделимой России», в соответствии с которой должно было происходить «сближение или слияние инородцев с русскими», причем формы такого сближения варьировались в зависимости от того, к восточным или западным народам применялась данная концепция: на восточных окраинах сближение виделось как слияние местных культур с русской, на западе страны — как «объединение разнородных элементов». Концепция «слияния» восходила к еще просвещенческой доктрине поглощения «отсталых» народов более развитыми, а с середины XIX столетия ее связывают с русификацией или обрусением¹⁷.

¹⁵ О специфике развития польской системы образования после разделов см., в частности: *Zasztowt L. Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 roku) // Historia i współczesność języka polskiego na Kresach Wschodnich. Warszawa, 1997. S. 203–298; Beauvois D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832. T. I–II. Lublin, 1991. T. II. Szkoły podstawowe i średnie.*

¹⁶ Дякин В.С. Национальный вопрос. С. 19.

¹⁷ Кэмпбэлл (Воробьева) Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской политике самодержавия // Пространство власти:

Вторая причина, по которой термин «национальная политика» представляется не вполне адекватным, — многозначность прилагательного «национальный»¹⁸. Оно функционировало как в значении политико-правовом, тесно взаимосвязанном с комплексом смыслов «нация», так и в качестве обозначения этнического (племенного, расового, народного). Строго говоря, прилагательное «национальный» образовано от существительного «нация», однако как в XIX в., так и сегодня соотносится со словом «национальность», что также не способствует ясности в понимании терминологии, для которой важны семантические нюансы. Ведь в русском языке сосуществовали и в течение столетия изменяли свое смысловое наполнение заимствованные из европейских языков лексемы «нация», «национальность», «раса» при сохранении бытовавших ранее «народ», «племя», «поколения народа» и созданных лишь в начале XIX в. их русских эквивалентов, таких, как «тип» или «народность». Дополнительную сложность и семантическую многозначность создавало заимствование термина «нация» и/или «национальность» из разных языков (французского, немецкого, английского) в трудах различных общественных и научных деятелей. Таким образом одновременно переносились и традиции первичного словоупотребления, и коннотации, не всегда совпадавшие друг с другом; это приводило к параллельному сосуществованию нескольких «линий», вариантов словоупотребления. Однако сле-

исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 207; Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынороднивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири. 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М., 2005. С. 199–200; Миллер А.И. Русификация или русификации? // Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 54–77.

¹⁸ См., в частности: Миллер А.И. Империя и нация в воображении русского национализма // Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. С. 147–170; Миллер А.И. История понятия «нация» в России // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. В 2-х т. М., 2012. Т. II. С. 34–41; Лескинен М.В. Национальное: наука и политика в Российской империи второй половины XIX в. // Вопросы национализма. 2013. № 3 (15). С. 190–217.

дует подчеркнуть, что трансформацию содержания данные концепты претерпевали и в других языках — вследствие конкретно-исторических процессов (своеобразным рубежом можно считать события, связанные с «весной народов») и эволюции терминов в политико-правовом поле¹⁹. Эволюцию же понятия «нация» в российском политическом лексиконе первой половины XIX в. А.И. Миллер запечатлел в краткой формуле: «от перевода к редактированию, цензуре и политической практике»²⁰.

Наиболее привлекательным для современных исследователей является анализ не самих теорий и доктрин (в том числе связанных с понятием «нация»), а результатов их реализации государством на разных уровнях (социальном, личностном и т. д.). Поэтому ученые обращаются к сравнительному исследованию империй, к реконструкции образов, представлений и стереотипов в этнонациональных культурных традициях²¹. В центре их внимания — тактика и стратегия имперской *власти*, в том числе *язык* бюрократии и права. Так, отмечается, что особую роль в

¹⁹ О соответствующих процессах во французском языке конца XVIII — начала XIX в. см.: *Ревякин А.В.* О понятийном аппарате французских идеологов в сфере национальной проблематики // *Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии.* М., 2001. С. 8–11; *Федосова Е.И.* Французская либеральная мысль первой половины XIX в. о нации и национальном вопросе // Там же. С. 12–21. В польском: *Zieliński A.* *Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815–1831.* Wrocław etc., 1969; *Kurczewska J.* *Naród w sociologii i ideologii polskiej.* Warszawa, 1979; *Nowak J.* *Naród i narodowość w polskiej myśli romantycznej* // *Naród — Tożsamość — Kultura. Między koniecznością a wyborem* / Pod red. W.J. Burszty, K. Jaskułowskiego, J. Nowak. Warszawa, 2005.

²⁰ *Миллер А.И.* Приобретая необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII — середина XIX в.) // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917).* М., 2010. С. 55.

²¹ Это различие может быть проиллюстрировано рассуждениями историка об изучении «инаковости» — см. *Долбилов М.* Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // *Образ врага.* М., 2005. С. 127–174. Данная концепция автора легла в основу принципиально нового и показавшего свою плодотворность способа рассмотрения истории имперской политики в отношении поляков во второй половине XIX в. См.: *Долбилов М.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

формировании этого *языка* играет полемический момент, рождающийся в столкновении с другими *языками* как традиционными соперниками русского (например, *язык* польской науки и политической мысли), так и с новыми *языками*, формирующимися в самом процессе полемики (в частности, украинским). Одним из первых на эту особенность столкновения и взаимодействия *языков* политики и культуры, используемых для описания украинских земель и украинского вопроса, обратил внимание С. Величенко²².

Кроме того, в современной историографии рассматриваются воззрения отдельных индивидов, что помогает воссоздать интеллектуальную историю русской и нерусской элит. Важно отметить не всегда учитываемую отечественными исследователями социальную двойственность этнических образов народов в России XIX — начала XX в., то есть различия в восприятии крестьянства и представителей образованных сословий. Напротив, зарубежные историки подчеркивают сословные вариации и обозначают методологические особенности их анализа²³.

В последнее десятилетие с развитием междисциплинарных исследований по имагологии взаимовосприятие, образы и стереотипы малорусов / украинцев — в России, а русской культуры и русских — в Малороссии и Украине изучаются подробно и плодотворно²⁴, в том числе автора-

²² Velychenko S. National History as Cultural Process. A Survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914. Toronto, CIUS, 1992.

²³ Хиршхаузен У., фон. Сословие, регион, нация и государство: одновременность неодновременного в локальном пространстве Центральной Восточной Европы. Пример Риги 1860–1914 годов // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 472–501.

²⁴ Первыми совместными (российско-украинскими) научными коллективными сборниками, создававшимися отчасти в рамках прежних научных и идеологических парадигм, стали издания: Россия — Украина: история взаимоотношений / Отв. редакторы: А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря. М., 1997; Украина и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Фурмана. М., 1997. К принципиально новым по подходам и по содержанию следует отнести работы: Plokhy S. The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, Belarus. Cambridge, 2006. P. 299–353; Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России». Т. II. С. 392–443; Екельчик С. Человеческое тело и национальная

ми данного сборника²⁵. Сопоставление взаимных образов и стереотипов (например, малорусов и великорусов / украинцев и русских) необходимо проводить не только на двустороннем уровне, но учитывать общеидеологические или традиционные установки общества в целом. Рассмотреть их в сравнении с другими народами, в особенности с населявшими дореволюционную Россию, — например, со славянскими (поляками²⁶), значит в контексте разработки категорий этничности в Российской империи обнаружить новые грани межнационального противостояния или опыта «примирительной политики»²⁷.

Отчасти этот пробел заполнили работы (главным образом зарубежных ученых), реконструирующие идеологические и правовые нормы Российской империи, а также

мифология: некоторые мотивы украинского национального возрождения XIX века // Изобретение империи: языки и практики / Под ред. И. Герасимова, М. Могильнер, А. Семенова. М., 2011. С. 119–151; *Рябчук М.* Русский Робинзон и украинский Пятница: особенности «асимметричных отношений» // Там, внутри. Практики внутренней колонизации и культурной истории России / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 447–477; *Киселев В., Васильева Т.* «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII — начала XIX века // Там же. С. 478–517. Из научно-популярных книг последнего десятилетия следует упомянуть: *Каревин А.* Русь нерусская. Как рождалась «рідна мова». М., 2006; *Каревин А.* Исторические шахматы Украины. Б. м., 2015; *Беляков С.* Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя. М., 2016. В них в публицистической и небесспорной форме излагается аргументация модели отношений великорусов к малорусам как к «младшему», но родному брату. Академическую интерпретацию истории Украины предприняли недавно и профессиональные российские историки под эгидой Института всеобщей истории РАН — см.: История Украины. М., 2016.

²⁵ Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008; Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. Тем же авторским коллективом подготовлен сборник «Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе» (М.; СПб., 2016).

²⁶ Об этом см.: *Горизонтов Л.* «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М., 2004. С. 63.

²⁷ Термин, использованный в одной из недавних российских монографий о польском Январском восстании: *Воронин В.Е.* Польское восстание 1863 года. Опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008.

практику и формы репрезентации межэтнических отношений. Их авторы рассматривают особенности парадигмы нации и национального в российской власти и науке и процесс складывания лексикона русской и российской (имперской) идентичностей. Такой подход представляется весьма плодотворным, поскольку процесс формирования собственной идентичности, с одной стороны, и видение «иногое» — с другой, неотделимы друг от друга. Сопоставление образов этнического «своего» и взглядов на «своего (то есть имперского) чужого» тесно связано со стремлением выработать единый эмоциональный образ пространства Родины / империи, общей картины ее прошлого, символики и визуального образа-типа человека, «представляющего» нацию. Впрочем, и здесь новые методы связаны с обновленным толкованием некоторых универсальных категорий — например, центр и периферия, регион, окраина и область²⁸.

Таким образом, национальной политикой в общем смысле можно именовать политику в отношении разнородных групп полиэтнического и поликонфессионального имперского организма. Она так или иначе ограничивалась представлениями об этносоциальных общностях, сопоставляемых с цивилизованными просвещенными народами, обладающими литературным языком и традициями государственности. В этом смысле она была именно национальной, а не этнонациональной и не этнокультурной, в то время как представление о различии наций и этносов при отсутствии точной дефиниции нации и понятия «этнос» отчетливо заметны в языке научного описания XIX в.

²⁸ Казань, Москва, Петербург: Российская империя под взглядом из разных углов. М., 1997; *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и национальной стратегии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001. С. 129–150; *Кэмпбэлл Е.И. (Воробьева)* «Единая и неделимая Россия»; *Барзилов С.И.* Российское историческое пространство в имперском и региональном измерении // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. С. 10–23.

«Украинский вопрос» в контексте других «национальных вопросов»

Термин «национальный вопрос» и даже «инородческий вопрос» (второй исследователь Российской империи использовали чаще — вероятно, считая его более точным и удобным, нежели «национальная политика в отношении...»²⁹) применялся не ко всем этническим группам. Известны еврейский, польский, остзейский, финляндский, мусульманский — а также стоящие особняком украинский, славянский (во внешнеполитическом аспекте) инородческие вопросы. Каждый из них определяет специфическую сферу соотнесения с триединым русским народом и государствообразующим великорусским этносом. Некоторые совпадали с группой «инородческих» вопросов — однако это не относится к польскому и славянскому. Современные исследователи, изучающие историю «национальных вопросов», склоняются к выводу о том, что «до образования СССР в Российском государстве “национальный вопрос” не имел территориально-административного воплощения ... не было и никакого федерализма, тем более по этническому признаку. ... Одним из главных принципов имперской государственности была надэтничность, предполагавшая верность престолу вне зависимости от языка и вероисповедания»³⁰.

Отдельной и не решенной до сего дня проблемой является понимание некоторых из перечисленных «вопросов» в различных дискурсах на отдельных исторических этапах. Так, польский вопрос на протяжении столетия рассматривался в различных аспектах: во внешнеполитическом контексте — как проблема восстановления польского государства; как вопрос о «польском бунтующем элементе» Царства Польского в связи с событиями 1830–1831 гг.

²⁹ Бахтурина А. «Национальный вопрос» в Российской империи. С. 105–107.

³⁰ Трепавлов В.В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX вв. С. 62.

(то есть в значении «государственно-национальном»); или же как проблема социально-этнических и конфессиональных противоречий на западно-русских окраинах Империи в 1860-е гг.³¹ Разумеется, формулировка «польский вопрос» могла включать и совокупность всех причин «беспокойства» властей, как источник потенциальной нелояльности. Однако симптоматично, что даже в специальных исторических исследованиях, посвященных «польскому вопросу», ученые уклоняются от его точного определения³².

Несколько иначе обстояло дело со «славянским вопросом», определявшимся на разных этапах понимания «народности» и «национальности» в соотнесении с внешнеполитическим курсом Империи. Идея этноязыкового родства и основанная на ней концепция племенного (а в конечном итоге и конфессионального) единства обуславливали апелляцию к «славянскому вопросу» в риторических формулах солидарности, братства, защиты интересов угнетенных народов (по сути, национальных меньшинств). Панславистские проекты с этой точки зрения можно рассматривать как стремление «решить» вопрос путем довольно оригинального в правовом смысле извлечения этих народов из состава иноэтничных государств и «помещения» в единое пространство «славянской империи», в которой, как можно предположить, славяне окажутся частью доминирующей (якобы) этнической группы славян, однако лишь восточных, ибо польско-русские отношения замутняли эту идиллическую перспективу. Несмотря на то что «славянский вопрос» обладал ярко выраженным «внешнеполитическим уклоном»³³, его можно в определенных аспектах расценивать не как этнический в чистом виде, но как национально-государственный. Выработка курса в отношении русинов Галиции в начале XX в. проходила в условиях

³¹ Западные окраины Российской империи / Под. ред. М. Долбилова, А. Миллера. М., 2006.

³² Аржакова Л.М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX в. СПб., 2010. С. 9.

³³ См., например: Неклюдов В.С. Славянский вопрос. М., 1876.

актуализации малороссийской / украинской проблемы и обсуждения идеи «верности» общеславянскому происхождению.

Специфика трактовки малороссийского / украинского вопроса в имперский период заключалась в том, что такая трактовка напрямую зависела не столько от этнического происхождения того или иного идентифицирующегося субъекта или общности, сколько от их представлений об эволюции народа, о формах и критериях его преобразования в самостоятельную нацию. В эпоху Просвещения различия между группами восточных славян рассматривались как геополитическая специфика, обусловленная историей отдельных территорий. В XIX в. признаки своеобразия понимались как внешние (обусловленные климатом и этнографическими — не этническими — особенностями), то есть в определенной степени диктовались примордиалистскими взглядами. Только с середины столетия под влиянием западноевропейских теорий созревает (первоначально — в умах интеллектуальной элиты общества) убежденность в возможности сформировать в массах национальное сознание. При этом важно отметить, что одни и те же элементы культурно-исторического своеобразия или различий (в частности, между великорусами и малорусами) интерпретировались в зависимости от точки зрения ученого — либо как региональная «окраска», подчеркивающая лишь вариации в границах единой русской общности и понимавшаяся как залог крепости общерусской племенной устойчивости и эффективности модернизации пореформенного общества, либо как этническая специфика, что позволяло рассматривать малорусов и украинцев как два народа родственных, близких, но самостоятельных. С. Екельчик пишет: «Нет оснований говорить о полноценной украинской национальной идентичности в то время, но с 1850-х гг. в образованных кругах Правобережной Украины велись острые дискуссии о принадлежности украиноязычных крестьян к современной российской, польской или украинской нации с соответст-

вующими «высокими» культурами и литературными языками»³⁴.

Центральными в этой аргументации стали: вопрос о статусе малороссийского языка / наречия, проблема этногенеза восточнославянских племен и представления об иерархии народов и племен России.

Важнейшей особенностью истории соперничества и борьбы «русского» и «украинского» национальных проектов в Российской империи, столь подробно рассмотренных А.И. Миллером в его самой известной и наиболее авторитетной монографии³⁵, можно считать попытку связать начальный этап формирования украинофильских настроений и идей с «польским вопросом» — который сторонники «единого русского народа» именовали «польской интригой»³⁶. Эта концепция особенно актуализировалась в периоды после восстаний (в особенности Январского), под влиянием насаждавшейся «сверху» полонофобии³⁷, или же в связи с обсуждением псевдоновых концепций этногенеза восточных славян³⁸.

Трудно, таким образом, говорить о единстве мнений по вопросу о дефиниции как «национальности», так и «на-

³⁴ Скельчик С. Великий наратив і його розриви: Україна в російських підручниках з історії та уявленні українських студентів (1830–1900-ті роки) // Українофіли. Світ українських патріотів другої половини ХІХ століття. Київ, 2010. С. 84.

³⁵ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина ХІХ в.). СПб., 2000.

³⁶ Kappeler A. Russland als Vielvolkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munchen, 1992. S. 179; Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству // Украина и Россия: общество и государство. С. 55–63.

³⁷ Долбилов М. Полонофобия и политика русификации; Долбилов М. Поляк в имперском политическом дискурсе // «Понятия о России». Т. II. С. 292–339.

³⁸ См., например, опубликованные в 1870-х — 1880-х гг. российские отклики на работы Фр. Духиньского (об этом: Лескинен М.В. Туранская теория Фр. Г. Духиньского и ее критика в контексте складывания концепции «великорусскости» в российской науке // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 164–180; Неменский О.Б. Историческая концепция Франтишка Духиньского. Часть первая // Вопросы национализма. 2017. № 28. С. 49–65).

ционального вопроса» в российском научном дискурсе XIX в. Даже наблюдаемое в последние годы стремление заместить «национальный вопрос» наименованием «инородческого» свидетельствует о понятийном неразличении этнической и гражданской разновидностей национальных общностей³⁹.

Малорусы в имперской иерархии народов

Отказ от идеи слиянности и единства, отчетливо провозглашавшейся парадигмой имперской политики, вызывал беспокойство государства. Стремление реализовать интересы не только через отстаивание формальной (племенной) инаковости, но и посредством формулирования собственных целей и позиций уже в первое десятилетие XX в. приведет к радикальной смене курса. Однако в политической риторике и поддерживаемой ею историографии (разумеется, в той или иной мере отражавшей несхожие политические взгляды и идеалы ученых) борьба «национального меньшинства» за смену статуса не рассматривалась как неотъемлемое право общностей Империи. Одна из причин этого, на наш взгляд, лежала в иной плоскости — в вопросе о доминантной в этническом, но не в политическом отношении (в этом состоял парадокс) группе, то есть речь шла о русском народе в целом, и великорусах в частности.

Русские как восточнославянская общность численно составляли абсолютное большинство населения Империи, хотя называть их доминирующей группой в западноевропейском смысле нельзя, утверждает А.И. Миллер, и с этим

³⁹ Тенденцию связывать воедино национальное (гражданско-политическое) и этническое понимание сущности национальных вопросов красноречиво иллюстрирует определение (1915) Н.А. Рубакина: «... национальный вопрос есть вопрос о национальностях, точнее говоря, о взаимных отношениях разных национальностей и связанный с этими последними вопрос о расах и племенах. ... Основой национального вопроса служат отличия соматические, а также некоторые другие, связанные с ними, например — язык, нравы, темперамент» (*Рубакин Н.А. Среди книг. В 3-х т. СПб., 1915. Т. 3. Ч. 1. С. 101*).

следует согласиться. «Правящая династия дольше, чем в большинстве европейских государств, сопротивлялась “национализации”, господствующее положение в империи занимало полиэтническое дворянство, а русский крестьянин долгое время мог быть, и был в действительности, крепостным у нерусского, не православного — и даже нехристианского — дворянина. Нация “не правила” и не имела системы политического представительства»⁴⁰. Реализовавшийся в 1870-е — 1890-е гг. проект «создания» великоруса в качестве государствообразующего этноса, еще не будучи завершен, порождал несомненные сложности в трактовке отношений этносов внутри «триединого русского народа»⁴¹.

Известный австрийский ученый А. Каппелер предложил сложную схему иерархии народов Российской империи⁴². В этнической иерархии доминировали сословные категории. Положение определялось инкорпорированностью политических элит в общероссийскую систему и степенью их лояльности. Рассматривая начавшийся после разделов Речи Посполитой процесс объединения элит, исследователь заключает: «Характерно, что украинцы изначально располагались на двух разных ступенях этнической иерархии: украинцы казацкого Гетманата — на второй, а остальные украинцы, лишь в конце XVIII века попавшие под русское владычество, на последней. Высшие круги казачества в конце XVIII века добились кооптации в дворянство империи и тем самым теоретически создали предпосылки для восхождения на первую ступень пирамиды... Происходившая одновременно постепенная аккультурация казачьего дворянства привела, однако, к тому, что малороссы перестали восприниматься центром как самостоятельная этническая группа. Но, поскольку к равноправному теперь

⁴⁰ Миллер А.И. Империя и нации в воображении русского национализма. С. 152.

⁴¹ Об этом см.: Лескинен М.В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. Гл. 4.

⁴² Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 125–144.

с русским малоросскому дворянству все чаще стали относиться как к русскому, все украинцы бывшего гетманства воспринимались как региональный вариант русских, что вообще лишило их собственного места в этнической иерархии»⁴³. И далее поясняет другие вероятные последствия: «Если бы их признали самостоятельной этнической группой, они скатились бы на нижнюю ступень, как крестьянский народ, покоренный чужой (русской) элитой. Этому способствовало то, что с разделами Польши большое число украинцев попало под русское господство, украинцев, прежде в большинстве своем находившихся в зависимости от польского дворянства и потому стоявших на последней ступени, занимаемой крестьянскими народами. Таким образом в XIX веке в глазах русских массы украинцев стали хохлами, прототипом нецивилизованного крестьянина. Они перестали быть прямым объектом царской политики и воспринимались как функция доминировавшей в регионе польской или, соответственно, русской либо русифицированной элиты»⁴⁴.

Если в первых двух системах с малорусами как православной и русской (восточнославянской) отраслью русского народа вопросов не возникало — они, будучи органической частью триединой общности, находились в центре, то намного более сложным оказывается процесс определения места «поколения» / «отрасли» русского племени (частями такового считали малорусов и белорусов) в третьей из предложенных А. Каппелером иерархий, выстраиваемой по культурным критериям. Именно она, по мнению исследователя, определяла соотношение конфессий, этносов и языков. Каппелер описывает ее через метафору системы концентрических кругов вокруг национального центра — русских как православных славян; на периферийных окружностях помещались наиболее «чуждые» в конфессиональном отношении

⁴³ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений. С. 130.

⁴⁴ Там же.

народы (нехристианские инородцы), ближе к центру — православные неславяне. В этой классификации задействовано несколько критериев: юридическое разделение, вероисповедание, племенная принадлежность⁴⁵. Таким образом, как констатирует австрийский историк, «украинцы не вычленились и не ущемлялись ни по конфессиональным, ни по расовым соображениям. Это, однако, не означало, что украинский язык и культура и украинский этнос как общность снискали глубокое уважение, напротив, их самобытность не признавалась ... Граница между центральным кругом великороссов и вторым кругом прочих православных восточных славян в XIX веке была нечеткой»⁴⁶.

Проблема заключалась в том, что, несмотря на доминировавшую в имперской науке концепцию о триедином «русском» народе, значение и место каждой из трех частей в его составе были определены как неравные — внутри общности велико-, мало- и белорусов существовала очевидная иерархия. Определенное влияние на место в этой иерархии оказывала оценка отдельных групп в рамках названных этносов по степени их «русскости», или, в терминологии А. Каппелера, «близости к этническому ядру», что напрямую соотносилось с их конфессиональной принадлежностью. Явление, известное на пограничье, когда этническая (национальная) идентичность замещается религиозной, повлияло и на внешнее восприятие белорусов и украинцев-униатов как «нерусских». Специфической в этом отношении была судьба той части украинского (и белорусского) населения Западных губерний, которая к середине XIX в. сменила конфессиональную принадлежность. Для публицистов того времени массовость перехода униатов в православие на бывших польских землях служила подтверждением исконного стремления местных жителей к воссоединению с «русским» племенем; сегодня же этот факт является объектом

⁴⁵ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 131–133.

⁴⁶ Там же. С. 134–135.

особого внимания исследователей и рассматривается как признак специфического культурно-исторического пути, повлиявшего на формирование представлений о собственной идентичности⁴⁷. Особо следует отметить наметившуюся в последнее время тенденцию к детальному учету региональной специфики различных частей украинских земель, что способствует внесению ряда существенных нюансов в рассмотрение «украинского» вопроса в целом⁴⁸.

Можно согласиться с некоторыми из смоделированных А. Каппелером общих принципов политических и исторических оснований иерархии. Однако в отношении роли таких «культурных» признаков, как язык, «цивилизованность» и «национальный характер», следует отметить, что эти критерии отнесения к иерархии применительно к концу XIX в. исследователь представляет не совсем верно. Их значение было уже вполне точно сформулировано — во всяком случае, в лингвистическом и (в меньшей степени) в этнографическом аспектах. Племена и языку для получения высокого места в иерархии необходимо было обладать рассмотренными выше приметами «полноты» и зрелости, а также играть совершенно определенную роль в государстве. В этом смысле вполне закономерным оказалось произошедшее во второй половине XIX в. столкновение имперских представлений о низком статусе малороссийского наречия и устремлений представителей украинофильского, а затем и собственно украинского движения, рассматривавших язык как один из главных атрибутов нации⁴⁹,

⁴⁷ Лось В. Уніатська церква на Правобережній Україні наприкінці XVIII — першій половині XIX ст.: організаційна структура та культурно-релігійний аспект. Київ, 2013; Radwan M. Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim (1796–1839). Lublin, 2001.

⁴⁸ Єршов В. Польська мемуаристична література Правобережної України доби романтизму. Житомир, 2010.

⁴⁹ Вопрос о связи языка и идентичности в западной историографии рассматривается в основном на примере Галиции как наиболее специфичного в этом отношении региона: Brock P. Ivan Vahylevych (1811–1866) and the Ukrainian National Identity // Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia. Cambridge, 1982. P. 111–149; Magocsi P.R. The Language Question as a Factor in the National Movement // Ibid. P. 220–238.

к его коммуникативной эмансипации. Это заставило власти сформировать особую языковую политику, предполагавшую, в частности, введение ряда ограничений и запретов на использование украинского языка в высоких функциях, чтобы не позволить ему достичь той самой «полноты» и зрелости, в частности, в сугубо лингвистическом плане⁵⁰.

Статус «главного» и нациеобразующего этноса был присвоен только великорусскому народу как основателю московской, а потом и имперской государственности. Стратегии и аргументы полемизирующих сторон дают основание предполагать, что противоречия по ряду научных вопросов (использовавшиеся потом в аргументации совсем иного рода) не всегда были вызваны исключительно политико-идеологическими (национальными) разногласиями, но зачастую диктовались сложностью решения научных задач, недостатком имевшихся сведений и несовершенством исследовательских методик.

На статус доминантной группы, титульной нации в Российской империи по логике данных тенденций должен был быть «назначен» великорусский народ, однако этого не произошло, во-первых, в силу незавершенности формирования его этнонационального самосознания, а во-вторых, по причине жесткой борьбы либералов против так называемого «великорусского шовинизма». В перспективе наступавшего XX века, с его соперничеством национализмов, борьба за права народов, декларировавших себя нациями, не признавалась таковой со стороны социально-политически доминирующей группы Империи. То, что деятели национального украинского движения расценивали как очевидную дискриминацию, рассматривалось властной элитой, независимо от индивидуальной этнической принадлежности, в категориях политической целесообразности, сохранения государственной целостности и «одноплеменного един-

⁵⁰ Об этом, в частности, применительно к регулированию сугубо формального на первый взгляд вопроса об использовании шрифта см. *Миллер А.И., Остапчук О.А.* Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике империй // *Славяноведение*. 2006. № 5. С. 25–48.

ства», то есть находилось за рамками этничности. При этом борьба за право на «особость» выражалась в сопротивлении национальных элит имперской власти, не имевшей опоры в титульной нации. То, что национальные (в том числе украинская) элиты воспринимали как русификационные меры, инспирированные русскими и направленные против украинцев как народа, во властных кругах далеко не всегда (во всяком случае, до 1890-х гг.) соотносилось с привычными для современного политического сознания категориями нации, иной культуры и т. п. Для властей предержавных (в составе которых были и не великорусы) жесткие средства противодействия — в частности, украинскому языку как самостоятельному — зачастую были продиктованы не борьбой с «другим», с этнокультурным субъектом (который просто не рассматривался в этом качестве), а стремлением «привести к порядку» заблудших или соблазненных «внешней» (польской) пропагандой «своих». Необходимо учитывать и концепт «единого русского народа» — сложившиеся в сознании политической элиты и интеллектуалов представления о внутренней целостности, религиозном единстве, а также о незначительности этнокультурных или региональных различий русского (то есть великорусского, малорусского и белорусского) крестьянства⁵¹. На фоне идеи «единого русского народа» взгляды и тем более практика украинских интеллектуалов и деятелей культуры, опиравшихся на убежденность в собственном этнонациональном своеобразии, понимались как искажение, отступление от истинно «народного» (то есть «простонародного») духа. Столь важные нюансы сходства и различий нуждаются в фундаментальном и многоаспектном изучении.

Именно эти особенности во многом запрограммировали национальную политику Советского государства в XX в., основывавшуюся на закреплении этнического типа нацио-

⁵¹ Лескинен М.В. Полемика о нравственности русского народа: проблема документальности и научной достоверности этнографических описаний // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. М., 2018. С. 63–87.

нализма, господством коллективной этнорасовой идентичности над индивидуальной, с абсолютизацией культурно-биологических различий.

«Украинский вопрос» в период преобразования политического пространства полиэтничной империи

XX век принес большие изменения в понимание «национального вопроса» и практику национальной политики. В начале века, после революционных событий 1905–1907 гг., представителями формирующейся национальной элиты были сформулированы требования к официальной власти, существенно различающиеся в зависимости от уровня развития самосознания и политической составляющей национальных движений — от признания национальной специфики до требования автономии.

Несмотря на то что существование формирующейся украинской нации в начале века не нашло широкого признания в российском общественном мнении (некоторые исследователи, как, например, А.В. Марчуков, отмечают недостаточную силу и укорененность движения среди народных масс в дореволюционный период⁵²), официальные власти — и царское правительство, и позднее Временное правительство — вынуждены были реагировать на происходившие изменения. В этот период особую актуальность приобрел вопрос о коммуникативной эмансипации украинского языка. В Государственной думе в 1907–1914 гг. активно обсуждался вопрос о возможности применения украинского языка в различных областях: образовании, судопроизводстве, богослужении), причем идея допущения украинского языка имела среди депутатов как сторонников, так и противников⁵³. Однако на официальном уровне

⁵² Марчуков А.В. Украинское национальное движение: УССР. 1920-е — 1930-е годы: цели, методы, результаты. М., 2006. С. 546.

⁵³ Клопова М.Э. Нужен ли украинский язык в школе? Дискуссии в Государственной думе (1907–1914) // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 282–293.

продолжала поддерживаться идеология общерусского единства, а украинская идея воспринималась как чужеродная и антигосударственная. В определенной степени на позицию имперского центра оказывала влияние международная ситуация: накануне и в годы Первой мировой войны «лозунги освобождения малых народов и их самоопределения обе враждебные группировки великих держав сделали инструментом ослабления изнутри своих потенциальных противников — многонациональных Австро-Венгрии, Турции, России»⁵⁴.

В начале XX века, как отмечает И.В. Михутина, часть российских либералов также видела в украинском движении угрозу государственной целостности и была убеждена, что процесс слияния малороссов и великороссов в единый национальный организм завершился, хотя и усматривала между ними этнорегиональные различия. Но в целом в партийно-политической сфере России в отношении к «украинскому вопросу» наметились изменения: большинство либеральной оппозиции признавало этноязыковую самостоятельность малороссов и сделало принцип их культурно-национального самоопределения своим программным и практическим требованием, хотя многие и не разделяли украинского постулата национально-территориальной автономии. Социалисты-революционеры, отстаивавшие федеративный принцип будущего общественного и государственного устройства, поддерживали украинское движение⁵⁵.

Большевистская фракция российской социал-демократии отстаивала общедемократическое требование «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», сформулированное еще на II съезде РСДРП в 1903 г. При этом принцип права наций на самоопределение большевики дополнили положением о самоопределении вплоть до государственного отделения, хотя и при-

⁵⁴ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М., 2003. С. 249.

⁵⁵ Там же. С. 249–250.

зывали не смешивать вопрос о праве на самоопределение с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации, подчеркивая необходимость «тесного союза братских народов» во имя идеалов социалистической революции⁵⁶.

Безусловно, оценка роли национального фактора в революции остается дискуссионной в современной литературе. Тем не менее следует согласиться с мнением А. Каппелера, который подчеркивает: «Национальные движения взорвали Российскую империю хоть и не так, как империю Габсбургов, но все же представляли собой — по крайней мере, с начала XX века — дестабилизирующий потенциал, который в значительной мере способствовал системному кризису царизма»⁵⁷. Другие исследователи признают существование национальных движений и связанных с ними центробежных тенденций, имевших важное значение для судеб различных территорий бывшей Российской империи. Например, А.В. Шубин рассматривает революцию как «комплекс несколько потоков — демократическую политическую революцию, городскую “пролетарскую” социальную революцию, крестьянскую аграрную революцию, национально-политические революции “окраин”»⁵⁸.

В украинском национальном движении вплоть до Первой мировой войны доминировали сторонники автономии, причем диалог с российским имперским центром отнюдь не исключался. Сепаратистские тенденции стали набирать обороты лишь с процессом радикализации революции. Таким образом, украинское движение можно отнести к тем «восточноевропейским» движениям, которые, как подчеркивает Мирослав Грох, изначально не требовали собственного национального государства: «Тот факт, что большинство — не все — этих движений закончилось

⁵⁶ Борисёнок Е.Ю. «А что мы знаем о лице Украины?» Украинизация как модель государственной политики в 1918–1941 гг. М., 2017. С. 94–103.

⁵⁷ Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 406.

⁵⁸ Шубин А.В. Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1920 гг. в России и Украине. М., 2013. С. 41.

образованием национального государства, является не органичным исходом их усилий, а результатом воздействия внешнего фактора: распада всех трех мультиэтнических империй в конце Первой мировой войны. К началу войны большинство политиков даже и не мечтало о государственной независимости...»⁵⁹. Таким образом, в украинском национальном движении вопрос о суверенизации актуализировался под воздействием внешнего фактора — распада мультиэтничных империй⁶⁰.

Отмечая специфику межнациональных столкновений в стране в период революции, В.П. Булдаков делает вывод о том, что «окраинный национализм» набирал силу по мере «солдатизации» национальных движений, когда внутри страны происходило увеличение массы вооруженных маргиналов: именно солдатская масса с какого-то момента диктовала украинской Центральной Раде свои правила игры. В то же время окраинный национализм подогревался и аграрным вопросом, «придававшим крестьянскому движению шовинистические формы»⁶¹. Однако «только приход к власти большевиков подтолкнул местных националистов к шагам по национально-государственному отмежеванию от российской анархии»⁶².

Как подчеркивает Р. Марк, «лишь после того, как возможность разрешения украинского вопроса в форме широкой автономии в рамках федеративной, демократичной российской республики, на которую надеялись видные политики Центральной Рады и большинство населения, свелась на нет вследствие октябрьского переворота и претензий на полную власть со стороны Советов, провозглашение независимости

⁵⁹ Хрох М. Исторические предпосылки «национализма» в центрально- и восточноевропейских странах // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. М., 2010. С. 114.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 35.

⁶² Булдаков В.П. Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 215.

УНР сменило национальную парадигму. До этого отделение от России не было среди стремлений, которые поддерживали большинство представителей национального движения»⁶³.

В многочисленных исследованиях, посвященных революции в России, поднимается вопрос о степени зрелости в этот момент украинского движения. Известный специалист в области украинской истории О. Субтельный, чья книга⁶⁴ неоднократно переиздавалась на Украине, приходит к выводу, что с точки зрения внутренних факторов основная дилемма украинцев состояла в том, что «они были вынуждены начинать создание государства, еще не завершив формирование нации»⁶⁵. Впрочем, историк считает, что решающими были факторы внешние: «преобладающая сила поляков» на Западе, «большевистская Россия» — на Востоке⁶⁶. Несмотря на дискуссионность многих положений концепции канадского историка украинского происхождения, следует согласиться, что большевики стали одним из факторов (хотя, конечно, отнюдь не исключительно внешним), определивших будущее украинцев как нации.

Определенный противовес труду Субтельного составляет «История Украины» канадского историка с русинскими корнями П.-Р. Магочи, который предпринял попытку написать «историю страны, а не народа», поскольку «русские, поляки, евреи, карпаторусины, крымские татары, немцы, румыны, греки наряду с другими народами, проживающими на территории Украины, рассматриваются и понимаются как неотъемлемая часть украинской истории, а не просто противники этнических украинцев в их собственной вековой борьбе за национальное выживание»⁶⁷.

⁶³ Рудольф А. Марк. Революція і націотворення: Українська Народна Республіка 1917–1921 роки // Україна. Процеси націотворення / Упор. А. Капелер; пер. з нім. Київ, 2011. С. 297.

⁶⁴ Subtelny O. Ukraine: A History. Toronto, 1988.

⁶⁵ Субтельный О. Україна: історія. Київ, 1991. С. 329.

⁶⁶ Там же. С. 330.

⁶⁷ Magocsi P.R. The Shaping of A National Identity: Subcarpathian Rus', 1848–1948. London; Cambridge, 1978; Магочій П.-Р. Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012. С. V.

Национальный вопрос и выбор модели советского государства

При анализе советской национальной политики возникает проблема определения преемственности с линией большевистской партии до революции и в период революции, и сочетания этой преемственности и новаций. Как отмечают исследователи, «национальный вопрос относился в партии большевиков к числу часто обсуждаемых, но при этом не слишком ясных политических проблем»⁶⁸. Политика большевиков по национальному вопросу в период революции была во многом ситуативной, т. е. на ее выработку влияла текущая ситуация — как внутривнутриполитическая, так и внешнеполитическая.

В этом плане «Декларация прав народов России» нередко рассматривают как демонстративное отмежевание от имперской политики царской России и объявление о своей готовности строить отношения с народами на основе равноправия и взаимного уважения⁶⁹. В обстановке нарастающей радикализации национальных движений такая демонстрация была не лишена смысла. По заключению Д.А. Аманжоловой, «доктрина “целокупной России” носила великодержавный характер, и хотя это нельзя приравнять к провозглашению курса на шовинизм и русский национализм, тем не менее лозунг единства и неделимости страны в ее прежних границах этнополитическими движениями и организациями воспринимался именно как возвращение к дореволюционной политике»⁷⁰.

В национальных движениях как накануне революции, так и в ходе ее, весьма популярна была идея федерации и автономии. Специалисты указывают также на сильные

⁶⁸ Рейман М., Литера Б., Свобода К., Коленовская Д. Рождение державы: История Советского Союза с 1917 по 1945 год. М., 2015. С. 299.

⁶⁹ Там же. С. 205.

⁷⁰ Аманжолова Д.А. Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР: 1920–1930 гг. М., 2010. С. 19.

позиции идеи федерализма в украинских политических программах, причем «федералистское течение сохранило свои сильные воздействия вплоть до самого конца революции»⁷¹. Как пишет Я. Грицак, даже после провозглашения независимости в январе 1918 г. некоторые украинские лидеры критиковали этот шаг как ошибочный и вредный. Более того, отмечая попытки достичь соглашения с русскими (как «белыми», так и «красными») и польскими политическими элитами на условиях федерации, историк делает вывод: «Поэтому не будет преувеличением сказать, что образование Советского Союза было больше украинской, чем русской идеей»⁷².

Если, как замечает Т.Ю. Красовицкая, «в дооктябрьский период большевики призывали к созданию демократического централизованного государства с широкой областной автономией»⁷³, то позднее они вынуждены были обратиться к идее федерации, хотя, по мнению А.Н. Медушевского, к этой модели государственного устройства у создателей СССР было противоречивое отношение: «следуя классово-логике марксистского учения, они в целом негативно относились к федерализму, но оказались вынуждены принять его как тактическую уступку националистическим и сепаратистским устремлениям в регионах распавшейся империи, а также в перспективе продвижения «мировой революции» в колониальных странах. Вопрос о федерализме почти постоянно связывался с реконструкцией национальных отношений и получал поэтому инструментальный характер»⁷⁴. Впрочем, единого понимания,

⁷¹ Грицак Я. Українська революція, 1914–1923: нові інтерпретації // Україна модерна. Ч. 2–3. Львів, 1999. С. 254–269.

⁷² Там же. С. 268.

⁷³ Красовицкая Т.Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1922) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 151.

⁷⁴ Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017. С. 263.

как должна строиться федерация, среди большевистского руководства не было, о чем свидетельствуют дискуссии в период выработки Конституции 1918 г. При определении конструкции будущего государства для нового руководства страны важно было понять, как соотнести идеи федерации, советизации и национализма⁷⁵. Выдвигались территориально-производственная, корпоративистская и национально-территориальная концепции, причем в итоге в ходе многочисленных дискуссий возобладал именно национальный принцип административно-территориального устройства. Следует признать, что вопрос о статусе и иерархии национальных образований был для большевиков непростым: среди них были сторонники как «автономизации», так и сторонники включения конфедеративных принципов в построение государства, понимаемого как мирового союза коммунистических государств. Впрочем, как замечает Т.Ю. Красовицкая: «Формально принимая ленинский подход к федеративному устройству, большевики реально проводили курс на создание унитарного государства и последовательное сворачивание прав республик до уровня автономий, как и планировал Сталин»⁷⁶. Конструирование Советского Союза в федеративной форме и централизаторские методы управления при сохранении единства партии дают исследователям основание для заключения о наличии противоречий между правовыми нормами и практикой политической системы.

Именно национально-территориальный принцип построения федерации стал основой для разрешения национального вопроса большевиками. Следствием этого стало утверждение этнонационального принципа как категории индивидуальной идентичности. Принцип этнической национальности («народности») был введен через кате-

⁷⁵ См. подробнее: *Медушевский А.Н.* Политическая история русской революции. С. 167–214.

⁷⁶ *Красовицкая Т.Ю.* Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. С. 185.

горизацию населения в переписи 1926 г.⁷⁷ Как считает В.А. Тишков, именно с этой переписи «была затверждена этнонациональность как всеобщий атрибут личности»⁷⁸. В первой всеобщей переписи населения 1897 г. содержался пункт о родном языке и вероисповедании, именно эти показания использовались для выводов об этническом составе населения Российской империи. К переписи 1926 г. был составлен Перечень и словарь народностей. В перечне народностей под вторым номером, вслед за русскими, значились украинцы⁷⁹.

Международные правовые нормы решения национального вопроса и советская политическая практика 1920-х гг.

В ходе Первой мировой войны и революции в России национальный вопрос вышел на новый уровень. Ярким проявлением изменившейся ситуации было активное оперирование в политико-правовом поле понятиями, относящимися к национальной сфере. В юридическую лексику прочно вошли термины «нация», «национальное меньшинство», «автономия», «федерация» и др. Особое звучание стал приобретать принцип «право наций на самоопределение». О самоопределении наций говорили еще на Берлинском конгрессе 1878 г. Более широкое распространение это понятие получило в начале XX века, и особенно в ходе войны, особенно после речи В. Вильсона перед американской Лигой насаждения мира 27 мая 1916 г. Тогда впервые прозвучали новые принципы международных отношений, в числе которых значилось право всякого народа «выбирать ту верховную власть, под которой он бу-

⁷⁷ Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 182.

⁷⁸ Там же. С. 183.

⁷⁹ См. Борисёнок Е.Ю. Из малороссов — в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 177–178.

дет жить»⁸⁰. В ходе мирных переговоров после окончания Первой мировой войны стало очевидно, что право наций на самоопределение не носит универсальный характер, допуская «исключения из него для определенных национальных групп населения, предлагая взамен предоставить им статус национальных меньшинств, защищаемых международным правом»⁸¹. Лига наций, институт международной защиты национальных меньшинств и Международная организация труда должны были, как подчеркивает российский исследователь Г.Ф. Матвеев, «обеспечить прочный мир во всем мире, а также создать условия для разрешения внутренних конфликтов в государствах, порождаемых различиями в национальной принадлежности или социальном статусе их граждан»⁸². Историк убедительно доказал, что «принятие принципа международной охраны прав меньшинств означало, что процесс становления новой нормы международного права — права наций на самоопределение — остановился на полпути, этим правом позволили воспользоваться только отдельным народам», что создало основу для обострения межнациональных отношений в Восточной Европе⁸³. В то же время выработка правовых норм в области национальных отношений сделала очевидной тенденцию к преобразованию восточноевропейского политического пространства по национальному признаку. Так, советская власть руководствовалась уже выработанной к тому времени юридической базой.

Заявив о праве наций на самоопределение, большевики применили национальный принцип построения госу-

⁸⁰ Матвеев Г.Ф. Из истории вопроса о праве наций на самоопределение в годы Первой мировой войны // *Studia Slavica et balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 178.

⁸¹ Матвеев Г.Ф. Институт защиты национальных меньшинств Лиги наций и его место в становлении международной нормы самоопределения наций // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2016. Т. 7. Вып. 5 (49) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001564-9-1> (дата обращения: 28.02.2018). DOI: 10.18254/S0001564-9-1.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

дарства, дабы достичь «свободного союза свободных наций». Была произведена кодификация правовых норм, касающихся национального аспекта государственной и общественной жизни. Прежде всего, национальный принцип государственного устройства обусловил создание системы национальных административно-территориальных образований. Причем речь шла не только о национальных и автономных республиках, но о целой пирамиде образований, распространившейся вплоть до мелких национально-территориальных единиц (национальных советов) с установлением иерархии статусов образований различного уровня. При этом, по замечанию американского историка Т. Мартина, «украинская система национального районирования предусматривала создание максимально возможного количества национальных советов, причем максимально возможной должна была быть и процентная доля входящего в каждый совет каждого национального меньшинства»⁸⁴.

В 1920-е годы на законодательном уровне был закреплен статус национальных языков (язык «коренной национальности» республики, язык национального меньшинства) и определяются сферы их функционирования. В правовых документах подробно определялся выбор языка в межэтническом общении в рамках национальных и территориальных образований: на каком языке (или языках) должно вестись делопроизводство, причем не только внутреннее, но и переписка между различными категориями территориальных единиц⁸⁵.

Безусловно, провозглашенные в конституциях и официальных документах советской власти права и свободы граждан и реальные действия властей нередко различались, а иногда и вступали в противоречие. В данном случае следует иметь в виду как неизбежную корректировку

⁸⁴ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М, 2011. С. 104.

⁸⁵ См. подробнее: Борисёнок Е.Ю. «Перевести делопроизводство на родной язык...» Избранные места из переписки в период активного проведения украинизации // Родина. 2014. № 1. С. 117–120.

политических решений в процессе реализации на низовом административном уровне, так и жесткие административные методы сталинского руководства, репрессивные действия против «инакомыслящих» и т. д. Однако очевидно, что в основе СССР как государственного, политического и социального организма лежали принципы, отличные от принятых в Российской империи.

Нациестроительство в Советском Союзе: украинский вариант

В обстановке революции и гражданской войны большевики не только не боролись с актуализировавшейся украинской этнической идентичностью, но и своей политикой создавали определенные условия для ее укрепления. При этом можно, вероятно, говорить не просто об этнокультурной украинской идентичности, но об этнонациональной, поскольку И.В. Сталин — главный специалист среди большевиков по национальному вопросу — с точки зрения современного исследователя, этнизировал нацию или национализировал этнос⁸⁶.

Советская государственная система интегрировала в себя этнонациональный фактор. При этом большевиками была выработана собственная теория нации: «Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации. По этой теории нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры. Как известно, эта теория получила в нашей партии общее признание»⁸⁷. При этом в процесс становления и развития

⁸⁶ См.: Чешко С.В. Распад Советского Союза. М., 2000. С. 196–217.

⁸⁷ Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм: Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // Сталин И.В. Соч. В 18-ти т. М., Тверь, 1946–2006. Т. 11. М., 1949. С. 333.

нации И.В. Сталин связывал с определенной исторической эпохой — капитализмом, выделяя различные периоды в этническом развитии человечества. «С точки зрения научной, — утверждал Сталин, — можно было такую градацию установить: нация, как более целостное образование, это — понятие эпохи поднимающегося капитализма; национальность — переходная ступень от феодализма к капитализму. Затем, народности, не имеющие командующего класса, — этнографические группы»⁸⁸.

Большевистская политика была направлена на конструирование наций на основе этнических общностей, «привязанных» к определенной территории (союзные республики рассматривались как государственные образования определенной нации). Значение связи нации и территории было весьма велико. Так, Р. Кайзер отметил значение установления границ Украинской ССР, поскольку «территориализация» украинского государства способствовала росту национального самосознания украинцев⁸⁹. Признание права на существование национальной идентичности было подкреплено лозунгом фактического выравнивания наций — как хозяйственного (экономического), так и культурного.

Практическое воплощение позиция большевиков по национальному вопросу получила в политике общесоюзной политики коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках, официальное начало которой было положено на XII съезде партии в 1923 г. При этом украинский вариант коренизации — украинизация — выделялась по своему размаху и объему. Современные историки признают: «на протяжении всего сталинского периода центральное место в эволюции советской национальной политики принадлежало Украине. Украинский

⁸⁸ Беседа Сталина с украинскими писателями 12 февраля 1929 г. Цит. по.: Шаповал Ю.І. Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії. Київ, 2001. С. 113.

⁸⁹ Kaiser R.J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. New York, 1994.

вопрос стал играть ту же роль, которую в дореволюционной России играл вопрос польский»⁹⁰.

Советская национальная политика в целом и коренизация / украинизация нередко рассматриваются как тактический маневр власти для привлечения поддержки нерусского населения СССР. Об этом еще в 1929 г. заявил У.Р. Бэтселл⁹¹. Множество работ на эту тему было опубликовано в современной Украине, в том числе обобщающее коллективное исследование ученых Института истории Украины⁹². В современной украинской историографии доминирует оценка советской украинизации как реакции на активизацию национальных процессов в стране, как метод советизации духовной жизни, направленный на укрепление правительственных структур в национальных республиках и автономиях.

Между тем весьма продуктивным представляется взгляд на украинизацию как на политику регулирования характера полиэтничного региона. С этой точки зрения украинизация представляет собой «метод национального строительства, целенаправленный государственный курс по утверждению украинского характера социокультурного пространства той или иной территории путем специальной языковой, культурной и кадровой политики»⁹³. Советская украинизация достигла определенных результатов. Большевицское руководство объединило украинские земли в едином государственном пространстве, предприняло меры для развития социальной структуры украинской нации путем создания украинской советской элиты и увеличения численности украинцев в среде рабочих. Протекционистская кадровая и культурная политика приводила к расширению коммуникативной сферы украинского языка, развитию украинской литературы и искусства. При этом корректировка украинизации в условиях централизации

⁹⁰ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 41.

⁹¹ Batsell W.R. Soviet rule in Russia. New York, 1929.

⁹² Українізація 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003.

⁹³ Борисёнок Е.Ю. «А что мы знаем о лице Украины?». С. 6.

и унификации общественной жизни 1930-х гг., служившая цели интеграции советских республик, не означала полной ее отмены: принципы украинизации продолжали действовать в кадровой политике и коммуникативной сфере⁹⁴. Стоит отметить также, что политика украинизации велась и среди украинского населения в РСФСР, о чем существует монография К.С. Дроздова⁹⁵.

По мнению Т. Мартина, чья работа вызвала широкий резонанс в научных кругах, «новая революционная Россия первой из традиционных европейских многонациональных государств оказала сопротивление поднимающемуся национализму, ответив на него систематическим содействием развитию национального сознания этнических меньшинств и созданием для них многих характерных институциональных форм моноэтнического государства»⁹⁶. В связи с этим ученый предложил новый термин для обозначения Советского Союза как многонационального образования — империя «положительной деятельности», имея в виду, прежде всего, такие ее отличительные черты, как «систематическая поддержка внешних форм существования наций — территории, культуры, языка и элит»⁹⁷. При этом оригинальность советской политики заключалась в том, что «она поддерживала внешние формы национальных меньшинств в гораздо большей степени, чем национально-большинства»⁹⁸. Советская власть, по мнению Мартина, решительно отвергла модель моноэтнического государства, заменив его моделью с многочисленными национальными республиками. Большевики попытались объединить выдвигавшееся националистами требование собственной национальной территории, культуры, языка и элиты с требованием социалистов, ставивших своей целью создание

⁹⁴ Борисёнок Е.Ю. «А что мы знаем о лице Украины?». С. 604–619.

⁹⁵ Дроздов К.С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.; СПб., 2016.

⁹⁶ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 10.

⁹⁷ Там же. С. 28.

⁹⁸ Там же.

экономически и политически единого государства. В этом смысле ученый называет большевиков «интернационалистическими националистами», или, точнее, «националистами положительной деятельности»⁹⁹.

В конечном итоге советская практика в национальном вопросе привела к политизации этнической принадлежности. В системе идентификационной стратегии советской власти (по классовой принадлежности, по национальной принадлежности, по гражданству) была зафиксирована национальность как юридическая категория в личных документах (паспорте, свидетельстве о рождении, военном билете). Иными словами, «национальность фиксировалась по принципу крови, а не культурно-языковой самоидентификации, и являлась непременным атрибутом официальных документов, определяющих позицию личности в социальной среде»¹⁰⁰.

В то же время усилия союзных властей были направлены и на создание идентичности иного порядка — общесоветской, призванной консолидировать население Страны Советов в единую общность. Единство многонациональной страны должны были обеспечивать формулы интернационализма и дружбы народов, закрепленные в системе новых культурных ценностей, внедряемых в сознание населения. Признавая разнообразие национальных культур, руководство страны стремилось придать им единое, социалистическое, содержание, обеспечивая таким образом единство и целостность общего культурного пространства. А. Инкелес даже сделал вывод, что жизненные условия украинца в советской системе и его реакция на эту систему в первую очередь определены не его национальностью, а статусом советского гражданина и принадлежностью к определенному классу¹⁰¹.

⁹⁹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 28.

¹⁰⁰ Эпштейн Д. Советский патриотизм: 1985–1991 // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. В 3-х т. М., 2010. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. С. 257.

¹⁰¹ Inkeles A., Bauer R.A. The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge; London, 1959.

Логичным завершением консолидационной стратегии союзных властей стал тезис о формировании советского народа как единой общности, официально зафиксированный в Конституции 1977 г. Впрочем, этот постулат не смог полностью заменить установленный в начальный период большевистского правления принцип идентификации населения по национальной принадлежности. Напротив, предпринятые еще в период коренизации 1920–1930-х годов усилия по нациестроительству имели долговременные последствия не только (и не столько) с культурной и языковой точки зрения, но с социальной. Деятельность советского руководства в области «социальной инженерии» по восполнению неполной социальной структуры формирующихся наций принесла свои плоды. В условиях проведенной большевиками «территориализации» нации и внедрения национального принципа в государственное устройство сформировавшаяся советская национальная элита объективно была заинтересована в расширении своих полномочий. Безусловно, действовала она в рамках советской системы, однако, когда эта система стала испытывать кризис и распадаться, национальная элита стала оппонентом союзного руководства, что и сказалось на судьбе Советского Союза.

* * *

Изучение динамики развития российско-украинских отношений — как в прошлом, так и на современном этапе невозможно без исследования влияния национальной политики государства на межэтнические и межнациональные отношения в Российской империи и Советском Союзе в целом. В то же время, несмотря на значительный объем научной литературы (особенно в последнее десятилетие), посвященной исторической интерпретации национальных вопросов в Российской империи и СССР, ее украинские аспекты в российской науке изучены недостаточно. Активное внимание современного украинского общества к данному кругу проблем и очевидная ангажированность определенных кругов в неизбежной для стадии формиро-

вания новой национальной идентичности вызывает необходимость реагирования на появившиеся политизированные концепции и предвзятые оценки.

После распада Советского Союза наблюдается оживление интереса к истории национального вопроса в Российской империи и Советском Союзе и связанной с ним проблемы взаимодействия «центра» с «окраинами». Начавшееся переосмысление истории народов СССР было обусловлено, с одной стороны, процессом создания национальных историй в независимых государствах, с другой — потребностью российских ученых осмыслить опыт прошлого, найти причины распада единого государства. Появилось множество концепций, объясняющих исторические особенности и внеисторические (константные) факторы развития таких государственных образований, как Российская империя и Советский Союз (одним из наиболее репрезентативных отражений спектра историографических и теоретических современных интерпретаций можно считать научно-периодическое издание «Ab Imperio»).

Сторонники концепции российского колониализма оценивают взаимоотношения с окраинами как отношения колонии и метрополии, их противники подчеркивают «цивилизационную» роль Российской империи как в отношении инородцев (т. е. неславянских народов), так и малорусов и белорусов. Дискуссионными можно считать и вопросы о статусе присоединяемых в разное время территорий, о взаимоотношении местных элит и центральной власти, о наличии или отсутствии в законодательстве ограничений по этнонациональному признаку, о культурной и языковой ассимиляции народов, о закономерностях в развитии полиэтничного государства и средствах укрепления государственности, о формировании властного и научного дискурсов, наконец, о влиянии национального вопроса на внутри- и внешнеполитические процессы.

В этой полемике украинская проблематика играет большую роль. Произшедшая после распада СССР так называемая «национализация» истории оказала немалое

влияние и на изучение проблемы влияния государственной национальной политики Российской империи и Советского Союза на русско-украинские отношения. В новейшей украинской историографии, ориентированной на пересмотр принятых в советский период положений, формирование новой концепции истории Украины происходило особенно интенсивно. «Выделение» национальной истории сопровождалось ее противопоставлением считавшемуся ранее общим этнокультурному пространству, что обусловило появление тенденции ее «дерусификации»: положительные трактовки советского периода сменились отрицательными, что в значительной степени затрудняет критическое осмысление спорных вопросов. Необходимо подчеркнуть, что многие исторические исследования — и украинские, и российские, — представляющие себя как научно-объективные (в особенности касающиеся истории XX в.), несвободны от идеологических клише и политической ангажированности. Это приводит к тому, что в украинских работах Россия предстает в образе главного (притом — векового) врага украинской государственности, душителя украинской культуры, подчеркивается неизменная антиукраинская направленность государственной политики Российской империи и Советского Союза. В российских исследованиях отчетливо заметна, во-первых, замена объективного анализа оценочными суждениями и, во-вторых, выражено явное стремление в изучении национальной политики опираться на законодательные акты и нормативные документы, что приводит к искажению сложной картины многоуровневых социальных и межнациональных отношений.

В современной российской историографии, несмотря на активный интерес к анализу и интерпретации представлений государственной и интеллектуальной элиты об этнонациональной специфике разных частей имперского политического организма, украинские аспекты рассматриваются явно недостаточно. Процесс становления отечественной украинистики идет медленно и не отвечает потребностям ни российской науки, ни общества в целом. Несмотря на

появление ряда интересных работ, многие острые и актуальные вопросы оказываются на периферии исследовательских интересов. Не получила освещения проблема места украинского вопроса среди других «национальных вопросов» Российской империи / Советского Союза в контексте становления этнической идентичности и борьбы за национальное самоопределение. До сих пор мало внимания уделяется анализу механизма государственного воздействия на межэтнические и межнациональные отношения, политике регулирования социальной и культурной ситуации на украинских землях, реакции общественного мнения на проходившие там социокультурные процессы и их отражение в источниках различных жанров.

Нельзя не отметить влияние новых подходов на изучение национальной идентичности и мозаики идентичностей в рамках одного государственно-политического организма. Принято считать, что она «стала результатом синтеза нормативных самоопределений первоначально высокоавторитетных, влиятельных групп, их групповых проекций, идеологических заданий в отношении различных социальных институтов, политических обоснований, образов реальности»¹⁰². Относительно новым направлением в изучении этой проблемы является синтез двух традиций: с одной стороны, ориентированной на анализ способов выражения самосознания элит, а с другой — сфокусированной на формировании осознания принадлежности к определенному сообществу (региональному, этническому, политическому) «снизу». При таком подходе одновременно анализируются методы, при помощи которых элиты пытаются навязать язык социального и политического подчинения «народу», а с другой — способы, которыми «народ» реагирует на эти попытки¹⁰³.

¹⁰² Гудков Л. Комплекс «жертвы». Особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М., 2004. С. 112.

¹⁰³ О развитии такого взгляда в исследованиях национализма см.: Porter B. Podzwonne dla badań nad nacjonalizmem / Tłum. J. Serwański // *Naród — Tożsamość — Kultura. Między koniecznością a wyborem* / Pod red. W.J. Burszty, K. Jaskułowskiego, J. Nowak. Warszawa, 2005. S. 87; там же глубокий аналитический обзор существующей литературы предмета.

В этом смысле замечание известного украинско-американского исследователя Гр. Грабовича о проблематичности самой формулировки «национальное сознание», сочетающего в себе измерение политического действия (в том числе символического) и целеполагания (например, идеологии), а также измерения (само)сознания (как предпосылки такого действия)¹⁰⁴, обретает особый смысл, если учесть, что политическое действие осуществляется «сверху» разными группами и индивидуумами (в нашем случае российскими / советскими властями, польской элитой и формирующейся украинской) и не всегда опирается на необходимые предпосылки «снизу».

В ряде работ, имеющих страноведческий характер, заметна тенденция отождествлять или не расценивать как значимые отличия *национального* и *этнического*, поскольку в данных исследованиях (главным образом исторических и литературоведческих) изучаются проблемы взаимного видения и восприятия народами друг друга. При этом происходит неизбежный в таких случаях перенос значений современной политической и ментальной карты на прошлое. Ведь Польша, Белоруссия или Украина в XIX веке были частью Империи, границы их были иными, население не воспринималось как этнически, конфессионально и социально однородное. Такое ретроспективное видение характерно для работ о «русском взгляде» на народы Империи. В связи с чем возникает вопрос: кого расценивать в качестве «этнических» и «политических» малорусов / украинцев применительно, допустим, к XIX в.

Безусловно, данная книга не предполагает исчерпывающего решения задач, стоящих перед современной украинистикой. Тем не менее авторы очерков предлагают обратить внимание на несколько блоков проблем.

¹⁰⁴ Грабович Гр. Формування української національної свідомості і питання польських впливів // Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine. The Foundation of Historical and Cultural Traditions in East-Central Europe. International Conference, Rome, 28 April — 6 May 1990 / Ed. J. Kłoczowski, J. Pełeński, M. Radwan, J. Skarbek, S. Wyłęzek. Lublin–Rome, 1994. S. 20.